

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/48/9

О.А. Богданова

**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В НЕОМИФОЛОГИЧЕСКОМ
РОМАНЕ НАЧАЛА XX И РУБЕЖА XX–XXI вв.:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПОЛЕМИКА¹**

Топика русской литературы 1917–1918 гг. и рубежа XX–XXI вв. анализируется в статье на материале романа Д.С. Мережковского «14 декабря», дневников М.М. Пришвина и ряда статей сборника «Из глубины», с одной стороны, и романов «Кысь» Т.Н. Толстой, «Укус ангела» П.В. Крусанова, «2017» О.А. Славниковой – с другой. Используются историко-типологический и герменевтический методы, концептуальный и мифопоэтический подходы, изучение творческой истории произведений. Установлен разрыв понятий «земля» и «народ», прослежено его углубление.

Ключевые слова: революция 1917 г., неомифологический роман, Д.С. Мережковский, роман «14 декабря», Т.Н. Толстая, П.В. Крусанов, О.А. Славникова, земля, народ, масса.

Частичный возврат к модернистской «серьезности» на фоне тотальной постмодернистской иронии позволяет назвать ряд писателей рубежа XX–XXI вв.: Т.Н. Толстую, П.В. Крусанова, Д.М. Липскерова, О.А. Славникову и др. – неомодернистами (см.: [1. С. 44]). Всем им свойственны, в условиях современной глобализации, определенная преемственность по отношению к «неомифологическому»² роману Серебряного века в области топики, а также развитие заложенных в нем жанров антиутопии и альтернативной истории. В первую очередь имеется в виду историософский роман начала XX в., осмыслявший русский имперский миф и революционную мифоидеологию: обе трилогии Д.С. Мережковского – «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», «Петербург» А. Белого, «Творимая легенда» Ф. Сологуба, «Сатана» Г.И. Чулкова и др.

В настоящей статье мы остановимся на историософской неомифологии Д.С. Мережковского в последнем романе его второй трилогии «Царство Зверя»³ – «14 декабря», писавшемся и публиковавшемся по горячим следам революционных событий в России 1917–1918 гг. Здесь на историческом материале другой эпохи давалось историософское осмысление российских событий 1917 г. Революционная мифоидеология Мережковского, которая постепенно складывалась в его публицистическом и художественном творчестве начиная с 1906 г., в «14 декабря» воплотилась во всей своей антиномичной целостности, эмоциональной непосредственности и художественной многогранности.

¹ Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 – начало 1920-х гг.)».

² Определение восходит к известной статье З.Г. Минц (см. 2. Перепеч. [3]).

³ Состав второй трилогии Д.С. Мережковского «Царство Зверя»: пьеса «Павел I» (1908), роман «Александр I» (1911–1913), роман «14 декабря» (1918).

Рассмотрим лишь один из ее аспектов. Сквозным в романе является образ «земли». Утверждение Мариньки, будущей жены декабриста Валериана Голицына, о том, что «любить землю – грех, надо любить небесное» [4. С. 7], опровергается мыслью Голицына о единстве неба и земли в Господней молитве «Отче наш» [Там же. С. 42, 161, 219, 228]. Мотив «земли» в сознании героя соединен с любимой девушкой как воплощением Вечной Женственности, Матери Пречистой, «родной матери-земли», России [Там же. С. 69]. Так как, по мысли Голицына, «отечество – тоже земля» и любовь к нему не грех [см.: Там же. С. 164], то землю и небо надо «вместе любить», потому что «в последнем пределе» они «одно» [Там же. С. 17]. Все больше узнавая свою молодую жену, герой открывает в ней материнское начало, общность Матери Божией и матери-земли. После того как она навещает арестованного мужа в тюремном садике Петропавловской крепости, Голицын опускается на колени и целует землю, по которой ходила Маринька, как «Мать Пречистую» [Там же. С. 215]. Те же слова о земле произносит перед казнью автор религиозно-революционного «Катехизиса» Сергей Муравьев-Апостол, чье мировоззрение Мережковский полностью разделял. По мнению декабриста, Россию спасет «Христос и еще Кто-то» [Там же. С. 233, 245]. Муж Мариньки читает в дневнике казненного героя о предательстве народом дела религиозной революции и в отчаянии решает: «<...> и гибнуть нечему: никакой России нет и не было» [Там же. С. 254]. Но вспомнив о Мариньке и связанных с ней символических образах, понимает, о Ком говорил погибший, – «Россию спасет Мать» [Там же. С. 258].

Если в 1907–1917 гг. Мережковский призывал к уничтожению российской монархии как «Царства Зверя», то после падения самодержавия в марте 1917 г., когда прежнее царское «человекобожие» стало оборачиваться в России «народобожием», «Зверем», по логике писателя-символиста, стал революционный народ, который в романе изображен под впечатлением от Октябрьских событий. В последние месяцы 1917 г. автор «14 декабря» пришел к двойственной концепции русской революционности, к противопоставленности Февраля и Октября¹: с одной стороны, это «революционная аристократия» религиозной интеллигенции, стремящейся соединить свободу с христианскими ценностями, с другой – «революционная демократия» народа и большевиков, которая ничем не лучше прежнего «человекобожеского» самодержавия (подробнее см.: [5]). Вместо былой, Февральской, надежды на единство народа с интеллигенцией, Мережковский обозначает разделение. Рылеев на страницах «14 декабря» сетует: «Даже не смеем сказать, что восстаем за вольность, – говорим: за царя Константина. Лжем. А когда узнает правду народ, то нас же проклянет, предаст палачам на распятие» [4. С. 41]. Восставший Черниговский полк в одночасье превращается «в разбойничью шайку, в пугачевскую пьяную сволочь». И командир его, Сергей Муравьев-Апостол, «понял самое страшное: для русского народа вольность значит буйство, распутство, злодейство, братоубийство неутолимое; рабство – с Богом,

¹ Имеются в виду: буржуазно-демократическая революция в России конца февраля – начала марта 1917 г., когда к власти в стране пришло коалиционное Временное правительство, и Октябрьский переворот, когда власть захватили большевики.

вольность с дьяволом» [4. С. 229]. «Страшен царь-Зверь, но, может быть, еще страшнее Зверь-народ, – таков опыт декабриста-христианина. – Зверь идет. <...> Россия гибнет <...>» [Там же. С. 234]. Лучшие герои революционного романа Мережковского – Голицын и Маринька – не сомневаются: для воцарения Христа «яко на небеси и на земли»¹ необходимо убить «Зверя» [4. С. 162–163]. Другими словами, ради сохранения России как «земли» нужно уничтожить ее народ...

В течение многих веков существовала в русской культуре традиция отождествления «земли» и населяющего ее народа, восходившая, с одной стороны, к рассказу о сотворении первочеловека Адама «из праха земного» (Быт. 2, 7) в ветхозаветной книге «Бытие», с другой – к античным Элевсинским мистериям с их культом матери-земли, Деметры. По древнегреческим народным воззрениям, существовал «круг рождений», когда души предков возвращались из земли к новой наземной жизни (см.: [6. С. 444]). Также и в Древней Руси «земля чт[и]ла[сь] вдвойне: и за то, что принимает умерших дедов, и за то, что обратно отдает души новорожденным внукам <...>» [7. С. 104]. Из Библии, византийской книжности и фольклора представления о единстве «земли» и народа перешли в русскую литературу. Сам Мережковский в эссе «Грядущий Хам» (1905), говоря о трех началах «духовного благородства», противостоявших «трем лицам» Грядущего Хама, в качестве первого называл, как одно целое, «землю» и народ – «живую плоть <...> России» [8. С. 25].

В открывшемся ему в ходе революционных событий 1917 г. распадения названного единства романист сближался с некоторыми авторами сборника статей о русской революции «Из глубины» (1918), своими бывшими оппонентами по вопросам о самодержавии, народе и интеллигенции как элементах революционного процесса в России. Например, в «современных диалогах» С.Н. Булгакова «На пиру богов. Pro и contra», где отмечалось «оподление целого народа», «загуб[ившего] и опоган[ившего]» собственную страну [9. С. 314], один из их участников, Писатель, так выражал надежду на будущее воскресение родины: «<...> русская земля <...> спасет русский народ, по ней стопочки Богородицыны ступали...» [Там же. С. 353]. Другой автор «Из глубины», В.Н. Муравьев, прямо заявлял: «<...> народ разрушил Россию» [10. С. 416]. О том же свидетельствует и «Дневник» М.М. Пришвина 1918 г. В ответ на высказанную собеседником мысль: «<...> Русскую землю нынче, как бабу, засекает пьяный мужик, и лучину, которая горела над этой землей, задул, теперь у нас нет ничего: тьма. Как может что-нибудь выйти из ничего, из тьмы?» – писатель обратился к библейской метаистории, указывающей на более раннее происхождение «земли» по отношению к населившим ее людям: «Вначале земля была безвидна и пуста, а потом из ничего началось творенье» [11. С. 53]. Как видим, Мережковский в своем трагическом открытии отнюдь не был одинок...

В обрисованной парадигме по-новому осмысляются и попытки советской власти 1920–1930-х гг. создать качественно новое население на прежней русской земле путем соответствующего воспитания городских низов наряду с

¹ На земле, как на небе (церковнослав.). Слова из молитвы «Отче наш...».

целенаправленным геноцидом ряда социальных групп («буржуазной» интеллигенции, дворянства, крестьянства), что отразилось в ряде антиутопий XX в. («Мы» Е.И. Замятина, «Котлован», «Чевенгур» А.П. Платонова, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына и др.). Как видим, историсофский роман Мережковского в жанровом отношении не чужд выходившей на авансцену европейских литератур рубежа XIX–XX вв. антиутопии, а в ряде черт предвосхищает жанр альтернативной истории – когда говорит о возможном развитии России по сценарию Феврала.

Постмодернизм конца XX в. рождался на Западе в процессе деконструкции модернизма и авангарда, признанных, авторитетных к тому времени явлений культуры; однако в постсоветской России главным объектом демонтажа стал официозный соцреализм. Культура СССР не была монолитной – все советские десятилетия не прерывалась подпольная, гонимая, неофициальная традиция Серебряного века, высокого модернизма (в первую очередь символизма) и авангарда (футуризма, конструктивизма). Эту традицию русский постмодернизм¹ пытался не столько деконструировать, сколько встроить в свою парадигму. Более того, он нередко воспринимал себя прямым продолжением Серебряного века, мгновенным переходом из 1919-го в 1991-й через голову советской эпохи как зияющего провала в небытие. Недаром в прозе рубежа XX–XXI вв. столь часты имплицитные, подчас бессознательные отсылки к В.В. Розанову – писателю Серебряного века, во многом предвосхитившему эстетику постмодернизма своими «Опавшими листьями», «Уединенным» и др. Так, Т.Н. Толстая в «Кыси» (2000) играет с розановской антилитературностью, а Л.Е. Улицкая в «Казусе Кукоцкого» (2001) – с розановской идеей о «религии смерти» (христианстве) и «религиях жизни» (иудаизме и язычестве). В романе В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1999) Серебряный век непосредственно встречается с Россией 1990-х через выпадение советской эпохи из сознания героя: Петр Пустота живет в 1918–1919 гг. и одновременно – в 1990-х. Тот же эффект – в романах П.В. Крусанова «Укус ангела» (2000), Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016) и др.

Поэтому неудивительно, что неомифологема Мережковского о разделении «земли» и народа в обозначенных писателем-символистом жанровых координатах антиутопии и альтернативной истории перешла в русскую художественную прозу рубежа XX–XXI вв. Для примера обратимся к трем романам начала XXI в. – «Кысь» (2000) Т.Н. Толстой, «Укус ангела» (2000) П.В. Крусанова, «2017» (2006) О.А. Славниковой.

В «Кыси» предпринята неомифологическая ревизия извечной российской проблемы «народ и власть». Контаминируя традиционные для русской культуры славянофильско-почвеннический (о народе-богоносце и царе-батюшке) и либеральный (о просвещенном монархе и просвещаемом народе) мифы,

¹ Постмодернистскую культурную ситуацию в России конца XX – начала XXI в. нельзя путать с постмодернистским литературным направлением (хотя оба явления нередко называют одним словом – постмодернизм). Если постмодернистская культурная ситуация – общий фон существования всех без исключения литературных направлений эпохи (классического реализма, неомодернизма, метафизического реализма, постреализма, нового реализма и др.), единый контекст их функционирования, то литературный постмодернизм (в узком смысле слова) – одно из многих литературных течений современности.

Толстая выдвигает анархический неомиф об обоюдной неспособности обеих сторон к продуктивному диалогу, тем самым воскрешая ситуацию социально-практического движения толстовцев начала XX в., генетически связанного с ее великим однофамильцем Львом Николаевичем. В то же время в романе осуществлена деконструкция целого букета архаических (космогонического, о культурном герое, о Прометее и др.) и новейших (о «естественном человеке» Ж.-Ж. Руссо, о прогрессе, о русской литературе и др.) мифов.

Неудивительно, что в жанровом отношении «Кысь» содержит в себе элементы антиутопии и альтернативной истории, помещенные внутрь разнонаправленной («светлое прошлое» и есть будущее (см.: [12. С. 139, 225]) мифопоэтической цикличности («вечное возвращение» Ф. Ницше). Отмеченная черта роднит роман 2000 г. с «14 декабря», где временные пласты также перемешаны и просвечивают один сквозь другой.

Как историсофский роман, погруженный в постмодернистскую ситуацию, «Кысь» производит парадоксальный эффект смысловой неразрешимости, которая в конечном итоге может быть разрешена, – если главный герой Бенедикт среди множества написанных людьми книг найдет Библию, пока (но только пока) ему недоступную. Тогда все буквы азбуки (лежащей в основе композиции произведения) сложатся в слова и фразы, имеющие истинный смысл, уже существующий *за* пределами романного мира. Наличие метафизической шкалы ценностей – общая черта романов Мережковского и Толстой.

В «Кыси» происходит пересмотр ключевой для постренессансной эпохи категории «человечности» – здесь действуют не люди, а мутанты, возникшие в результате ядерного взрыва: прежние, перерожденцы, голубчики, – к которым явно неприменимы привычные гуманистические критерии и нормы (бытийная самостоятельность, нравственная самоценность и разумная сбалансированность человеческой природы). Похоже, что и важнейший для русской культуры концепт «народ» («русский народ») подвергается в этом романе постмодернистской деконструкции, превращаясь в симулякр: ни «прежние», ни «голубчики» никак не «тянут» не то что на «богоносца», но даже на «культурно-историческую общность».

Как бы отвечая на вопрос Мережковского о возможности существования «земли» без народа, Толстая, в гротескно-сниженной форме, разворачивает сюжет о загадочной «кыси». Духовно-историсофский феномен России рассмотрен здесь через оппозицию образов кошки и мыши, символизирующих полярность русского национального характера. Само название романа можно понять как контаминацию этих слов. Хищно-активное кошачье начало присуще власти (Федор Кузьмич, Кудеяр Кудеярыч), жертвенно-пассивное мышинное – массе простых голубчиков. Возможно, Бенедикт¹ – потенциальный постчеловек в романе, способный возвыситься как над «мышинным» андеграундом, так и над соблазном стать высокопоставленным хищником. Не случайно, не желая ассоциировать себя с «кысью», он сохраняет преемственность с лучшими явлениями собственно человеческого прошлого, оставаясь, однако, мутантом, иным, новым.

¹ благословенный (*лат.*).

В основу романа Крусанова «Укус ангела» положен современный неомиф о Логосе и Могосе, развернутый в трактате петербургского философа А.К. Секацкого «Моги и их могущества» (1996). На заре истории «в сражении <...> между двумя <...> векторами духовной эволюции» [13. С. 33] человечества победил Логос, который был отождествлен с Богом, разумом, наукой и техникой. Магические, основанные на саморазвитии человека, практики поверженного Могоса объявлялись дьявольскими. Человек был обречен на беспомощность и униженные «молитвы-просьбы» [13. С. 34], вместо того чтобы самостоятельно овладевать знаниями и умениями, повелевать стихиями, творить миры. Так как мир Логоса в романе Крусанова давно «протух», именно тайные до времени моги призваны его окончательно развалить, чтобы установить мировой порядок Могоса во главе с сакральным Государем – великим могом (в терминах Мережковского – «человекобогом», или «Зверем»).

Таковой находится в лице сына русского офицера и китайки Ивана Некитаева, в любых ситуациях руководствующегося формулой «Я могу», невзирая на божественные заповеди (бросает вызов Богу, желая «переписать матрицу мира» [14. С. 108]), морально-этические нормы (не останавливается перед инцестом, вступая в любовную связь с родной сестрой), законы природы (успешно применяет магические практики, например в случае вселения души убитой им Каурки в тело Феликса Кошкина).

Главное дело сил Могоса во главе с Некитаевым – ускорение «рукотворного Апокалипсиса» [13. С. 159] путем организации микрокрушений и концентрации несчастных случаев по всему миру Логоса с целью окончательного его уничтожения. Таким образом, империя могов – инструмент тотального разрушения; на расчищенном месте возникнет «Ирий» – «земной рай» без людей [14. С. 42, 107], что свидетельствует о характерном для рубежа XX–XXI вв. сомнении автора в потенциале «человечности». Это отчетливо напоминает Мережковского в «14 декабря» с его «землей» без народа.

Хотя действие романа Крусанова происходит в России начала XXI в., изображенная здесь действительность не похожа на привычную нам современность, потому что автор помещает читателя не только в антиутопию, но и в альтернативную историю страны, из которой начисто выпал советский период, где Серебряный век непосредственно граничит с новейшими днями. Поэтому здесь перемешаны приметы разных эпох: разночинцы беседуют об эдиповом комплексе, предводитель дворянства является отцом последователя Ж. Бодрийяра, «пламенный» Бадняк передает Ивану Некитаеву крестик, оброненный в XIII в. князем Георгием Всеволодовичем, и т.п. Произведение насыщено прямыми аллюзиями на Серебряный век: «Коллегия Престолов» (Религиозно-философские собрания, где, между прочим, одну из первых ролей играл Мережковский), журнал «Аргус-павлин» (журнал «Новый путь», в котором печатались протоколы РФС), редактор Чекаме (Черный квадрат Малевича), «художницы жизни» («жизнетворчество») и мн. др. Идеолог войны Петр Легкоступов может быть соотнесен с либеральным демократом П.Б. Струве, в годы Первой мировой войны ставшим апологетом русского государственного могущества.

Идея «Ирия» принадлежит в романе Петру Легкоступову, а значит, рождена Серебряным веком. Сам герой-идеолог недаром член философского общества «Коллегия Престолов», т.е. не людей, а ангелов одного из чинов небесной иерархии, «богоносных», на которых восседает Господь. Возведенный ими на трон сакральный Император – Иван Чума – превосходит возможности обыкновенных людей как по своим задаткам, так и последующим поступкам. Само заглавие романа указывает на то, что, пережив «укус ангела», он стал существом другой, нечеловеческой природы.

Кроме того, в романе Крусанова присутствует персонаж, как будто непосредственно вырастающий из революционной мифоидеологии Мережковского, – Мать и Надежда Мира. Выйдя из социальных низов, эта героиня возвысилась благодаря присущей ей силе любви, которую «нельзя победить» [14. С. 201]. Именно она, за которую «ратуют ангелы» [Там же. С. 194], разделила Россию пополам «огненным колесом»-«жерновом» [Там же. С. 203] – символом революции. Но предательство возлюбленного – Министра войны – полностью угасило в ней любовь, и Надежда Мира превратилась «в блуждающую тень» [Там же. С. 206]. Это гротескная, бессильная Мать, которая никого не может спасти. И если роман 1918 г. заканчивался надеждой на спасение России – Матерью, то в романе 2000-го Мать – Надежда Мира – этот мир (мир Логоса) обманула и предала. Поэтому Иван Некитаев – наследник Надежды Мира – выбирает не любовь, а страх, чтобы держать подданных в повиновении (см.: [Там же. С. 208–209]), т.е., в понятиях Мережковского, путь «Зверя».

Название романа Славниковой «2017» красноречиво свидетельствует о предпринятой здесь попытке осмысления 100-летних итогов русской революции 1917 г. Однако в основе произведения – современное прочтение и развитие локально-фольклорных уральских мифов о Хозяйке Медной горы, олене Серебряное копыто, Великом Полозе, огненной девушке Златовласке и т.п. На этом фоне проживаются судьбы тайного «хитника» (нелегального добытчика и обработчика уральского драгоценного камня) Вениамина Крылова, его бывшей, но все еще любящей жены Тамары (поначалу удачливой бизнесвумен, впоследствии «съеденной» конкурентами и завистниками) и любимой женщины Тани (маргинальной жены главаря «хитников» профессора Анфиловова, ставшей воплощением могущественного горного духа – «Каменной девки»).

Главным, подлинным в жизни перечисленных героев оказывается, в конце концов, их включенность в эти архаико-мифологические архетипы, а совсем не событийная канва новой социокультурной и политико-экономической действительности, наступившей в постсоветской России с 1990-х гг., законы которой определяли на первый взгляд их существование: положение родителей, места учебы, службы, способ зарабатывания денег и пр. Более того, только эта природно-мифологическая матрица оказывается подлинной, реально существующей и продуктивной, т.е. способной выдвигать жизнеспособные формы. Все остальное: бизнес, телевидение, современная техника, деньги, политика, презентации, корпорации, интриги, скандалы, банкротства – призрачно, преходяще, не обладает бытийной устойчивостью и постоянством. Таковы, например, перипетии вокруг Тамариных похоронных

кооперативов «Гранит» и «Купол», изнанка телешоу Мити Дымова «Покойник года», махинации плоско-рассудочного Анфилогова с нелегально добытыми самоцветами, суета шпиона-трансформера Завалихина, следившего за свиданиями Крылова и Тани, и мн. др. «Ненастоящий» мир [15. С. 237] современной цивилизации обречен на уничтожение, рассеивание и недостойн серьезного сочувствия: не жаль ни жертв беспорядков на костюмированном спектакле в честь 100-летия Октября, ни бессмысленно жадного Коляна на отравленной «корундовой речке», ни поскользнувшегося на арбузной корке и попавшего под машину шпиона, ни даже старушку мать главного героя Крылова, чьи «страдания притворны» в «неподлинном мире» [Там же. С. 535].

Имеющие же бытийный статус явления – первозданная красота «корундовой реки», благородная нищета постсоветских стариков, всепоглощающая любовь мужчины и женщины – кристаллизуются в неподдельные «зоны прозрачности», не подлежащие ни дублированию, ни клонированию, ни переживанию эффекта «дежавю» (уже виденного ранее).

Все это очевидно, хотя скорее всего неосознанно, включено в аксиологический горизонт «14 декабря» Мережковского: Россия как «земля» и природа; достоинство ее народа, надругавшегося над собственной землей и стремительно превращающегося в призрак; любовь между мужчиной и женщиной как взаимное жертвенное служение.

«Самодержавную» (в категориях Мережковского) Октябрьскую революцию 1917 г. и ее отдаленные последствия в 2017 г. Славникова также относит к явлениям «неподлинного мира»: нарастание «ряженой революции» в стране, отставка правительства, учреждение Временного президентского совета, комендантский час в столице, танки, митинги и пр. (см.: [Там же. С. 537–539]) – ничего не меняют и не могут изменить в подлинном, глубинном разворачивании реально-мифологических событий (а миф, по логике автора романа, это и есть изначальное для человека представление о реальности): самоочищения и самовосстановления природы («земли») после губительного вмешательства алчного бизнеса и продажной политики, активизации спасительных «аномальных зон», превращения Тани в Хозяйку Горы, отъезде Крылова и Фариды на «корундовую реку» и т.п.

Поэтому-то вопреки читательским ожиданиям, связанным с заглавием романа, тема революции проходит по касательной к его основному сюжету, прячется на периферии, в стилевой ремарке и скороговорке. Впервые она возникает лишь в 3-й части произведения, в одном смысловом ряду с появлением следящего за Таней и Крыловым в каком-то из городских кафе шпиона: на телеэкране в преддверии 100-летия Октябрьской революции рассказывают о восстановлении разрушенных памятников – «новенький Дзержинский парил над постаментом, принимаемый в объятия рукастым пролетариатом» [Там же. С. 149]. Через пару сотен страниц дается важный для понимания революционной темы пассаж о ненастоящести, неподлинности внешнего мира, о произошедшей «консервации жизни», при которой ничего не происходит, ничего не меняется, но господствует «культура копии при отсутствии подлинника» [Там же. С. 238–239]. И хотя слово «симулякр» не звучит в романе, семантически именно оно определяет всю его революционную (и не только) тематику.

Да, произошедшая в октябре 1917 г. русская революция не то что забылась, исказилась, выхолостилась, – ее НА САМОМ ДЕЛЕ просто НЕ БЫЛО в полном смысле слова, это было всего лишь колебание на поверхности бытия, серьезно не затронувшее подлинных, природно-мифологических, онтологических, «земных» основ жизни.

Продолжается тема лишь в 6-й части романа, когда герои попадают в гущу устроенного властями на Празднике Города костюмированного спектакля, призванного возратить к событиям 100-летней давности – противостоянию красных и белых. Действительно, парад как будто перерастает в бой с убитыми и ранеными, однако единственным реальным, исходя из романских ценностей, ущербом от этого события стала не встреча двух любящих, разлученных разбушевавшейся толпой и оцепившими ее правительственными войсками (см.: [15. С. 326–329]).

Действие в 7-й части «2017» разворачивается на фоне перманентной «ряженой революции» как проявления свойственной России «исторической мечтательности» ([Там же. С. 376, 377, 379] и др.), когда на деле нет ни воюющих сторон, ни настоящих победителей, а есть «маскарадное действие» [Там же. С. 376]. По сути дела, то же самое было, по мнению автора, и в 1917 г.: потешное обмундирование с царских складов – буденовка и специальная шинель – стало формой в Красной армии...

По логике романа Славниковой ни революция 1917 г., ни восстановление ее порядков (или беспорядков?) в 2017 г. ровным счетом ничего не меняют в бытии земли, камня, людей, причастных к подлинности. Бытийно-мифологических корней такая революция не имеет, она шумит *мимо* бытия, нанося ему порой ощутимый, но в целом поправимый урон: люди и природа постепенно восстанавливаются после социальных (революция 1917 г.) и техногенных (устроенных варварским бизнесом 1990-х гг.) катастроф.

Стоит также вспомнить о месте действия анализируемого романа – Екатеринбург. В этом городе были заточены и казнены последний русский царь Николай II и его семья. Однако ни одного слова или намека на это событие в произведении не прочитывается. Такое невнимание, по-видимому, свидетельствует о том, что, подобно революционному, имперский неомиф России также не имеет в глазах автора «2017» онтологических оснований. На глубинном уровне это соответствует неомифологическим установкам Мережковского как автора «14 декабря». Ведь для писателя Серебряного века Октябрь был «контрреволюцией» по отношению к Февралю (см.: [16]), т.е. событием *без самостоятельного содержания*; а император Николай I – человеком, не имеющим онтологической устойчивости: лишенный собственного лица, он постоянно менял те или иные маски (см.: [4. С. 119–121, 147–154] и др.), на месте Бога – источника бытия – ему каждый раз представлялась «черная дыра» [Там же. С. 27 и др.].

Как видим, русская проза рубежа XX–XXI вв. в ряде случаев демонстрирует устойчивость и даже усиление сдвига, который произошел в литературной топике под прессом революционных потрясений 1917–1918 гг. Вполне возможно, однако, что это связано не только с уникальной историей России XX в., но и с общемировым процессом массовизации исторических народов. Возникновение массы как особой социальной формы относят к буржуазной

эре – развитию промышленности и росту городов, однако в России она стала заметным социокультурным явлением только на рубеже XIX–XX вв. Большой резонанс в эту эпоху имела книга французского психолога Г. Лебона «Психология народов и масс», в ней рассматривалась трансформация народа в массу, толпу. «Человека массы», как феномен XX в., характеризуют посредственность, несамостоятельность суждений, примат эмоционального над рациональным, отсутствие высших духовных запросов и нравственных принципов, разрыв с гуманистической моралью, интерсоциальность, разрозненность интересов и социокультурная атомизация (подробнее см.: [17]). Народ же, по Лебону, такая человеческая общность, которая сохраняет вековое «предание», «прочно сложенную коллективную душу», единую систему ценностей (см.: [18. С. 145]). Драматизм истории XX в. – в постепенном превращении исторических культурных народов в однородную стандартную массу, без труда управляемую тоталитарными вождями. Свои первые социально-политические плоды массовизация в ряде европейских стран, в том числе и в России, стала приносить как раз к концу 1910-х гг. В постиндустриальном обществе рубежа XX–XXI вв. массовая культура действует уже не прямым принуждением, но, по мысли Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «соблазнением» с помощью «машин желаний» (цит. по: [19. С. 135]), т.е. манипулированием посредством иллюзорного удовлетворения потребностей «человека массы». Современная глобализация с ее очевидным ослаблением связей между «землями» и населяющими их народами – логическое, хотя и до сих пор болезненное, развитие указанных процессов.

Литература

1. Богданова О.А. Русская проза конца XX – начала XXI века: Основные тенденции: учеб. пособие для студентов-филологов. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 204 с.
2. Миц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. Творчество А.А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1979. Вып. 459. С. 76–120.
3. Миц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 59–96.
4. Мережковский Д.С. 14 декабря // Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 7–258.
5. Мережковский Д.С. Революционная демократия // Новые ведомости. 1918. 6 июля.
6. Смирнов С.И. Древнерусский духовник: Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М.: ПСТБИ, 2004. 560 с.
7. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII веков // Тр. отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (ТОДРЛ). М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84–104.
8. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 4–26.
9. Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra: Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 290–353.
10. Муравьев В.Н. Рев племени // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 402–423.
11. Пришвин М.М. Дневники. 1918. 1919. Кн. 2. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.
12. Толстая Т.Н. Кысь: роман. М.: Подкова, 2002. 320 с.
13. Секацкий А.К. Могилы и их могущество: роман // Секацкий А.К. Три шага в сторону: роман, эссе. СПб.: Амфора, 2000. С. 7–164.
14. Крусанов П.В. Укус ангела: роман. СПб.: Амфора, 2001. 351 с.
15. Славникова О.А. 2017: роман. М.: АСТ: Астрель, 2011. 540 с.
16. Мережковский Д.С. Россия будет (интеллигенция и народ) // Наш век. 1918. 23, 28 июня.
17. Богданова О.А. Роман-эпопея XX века: «Восстание масс» в «Жизни и судьбе» В.С. Гроссмана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 1. С. 95–105.

18. Лебон Г. Психология народов и масс // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М.; СПб., 2005. С. 9–316.

19. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2011. 352 с.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE NEO-MYTHOLOGICAL NOVEL OF THE EARLY 20TH AND THE TURN OF THE 21ST CC.: CONTINUITY AND CONTROVERSY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 131–142. DOI: 10.17223/19986645/48/9

Olga A. Bogdanova, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgabogda@yandex.ru

Keywords: revolution of 1917, neo-mythological novel, D.S. Merezhkovsky, *December 14*, T.N. Tolstaya, P.V. Krusanov, O.A. Slavnikova, land, people, masses.

Based on D.S. Merezhkovsky's *December 14* (1918), M.M. Prishvin's diary of 1918 and a number of articles of the collection *Iz glubiny* [From the Depth] (1918), on the one hand, and T.N. Tolstaya's *Kys* (2000), P.V. Krusanov's *A Bite of Angel* (2000), O.A. Slavnikova's *2017* (2006), on the other, the author of the article considers the changes occurring in the topic of Russian literature from the era of the revolution of 1917 to the turn of the 21st c. The historical-typological and hermeneutic methods, conceptual (constantological) and mythopoetic approaches, the study of the history of creative works are used.

It is shown that the historiosophical neomythology of Merezhkovsky in *December 14*, written tight after the revolutionary events in Russia, was reduced to the necessity of dis-identification of the Russian "land" and the "Beast-people" that betrayed it. Similar thoughts are found in a number of works by his contemporaries. On the background of the 1000-year tradition of identifying the "land" and its people in Russian literature and culture, relying on the Bible, Byzantine literature and folklore, the deconstruction of the concept "Russian people" led to the creation of a neo-myth about the post-human on the former Russian land.

Russian postmodernism thought of itself as of a direct continuation of the culture of the Silver Age. The author shows how Merezhkovsky's neo-mythologem about the spation of "land" and people outlined in *December 14* in the genre coordinates of dystopia and alternative history spread on to the Russian art prose of the turn of the 21st c.

In the novel *Kys* there are mutants that appeared on the territory of the former Moscow as a result of a nuclear explosion, usual humanistic norms are inapplicable to them. Tolstaya turns the concept "people" into a simulacrum: neither "old" nor "duckies" are "God-bearers"; they are not even a "cultural-historical community". A potential post-human in the dystopian novel is a mutant Benedict, protesting against the binary opposition of "mouse" and "cat" ("kys"), traditional for the Russian society.

A Bite of Angel tells the story of the Empire of "mogs" as a tool of total destruction of the "rotten" world, the result of which should be "Iriy" – a "heaven on earth" without people on the territory of the former Russia. The Sacred Emperor Ivan the Plague, having survived the "bite of angel", became a creature of inhuman nature. To achieve his purpose, he chose, in terms of Merezhkovsky, the path of the "Beast": not love, but fear leading to obedience.

The 100-year results of the revolution of 1917 in the novel *2017* testify to the essential "non-authenticity" of this event and of all Russian civilization of the 20th c. Only archaic-mythological archetypes, embodied in nature ("land"), and mythological creatures that nature makes have an ontological status; their emanation is certain individuals.

So, the author proves the stability of the shift in the literary topic under the pressure of the revolutionary events of 1917–1918; it can be explained not only by the unique history of Russia in the 20th c., but also by the global process of massivization of historical peoples as well as globalization with its gradually weakening link between "lands" and their peoples.

References

1. Bogdanova, O.A. (2013) *Russkaya proza kontsa XX – nachala XXI veka. Osnovnye tendentsii* [Russian prose of the late 20th – early 21st centuries. The main trends]. St. Petersburg: ID "Petropolis".

2. Mints, Z.G. (1979) O nekotorykh “neomifologicheskikh” tekstakh v tvorchestve russkikh simvolistov. Tvorchestvo A.A. Bloka i russkaya kul'tura veka: Blokovskiy sbornik III [About some “neomythological” texts in the work of Russian symbolists. A.A. Blok’s works and the Russian culture of the twentieth century: Blok’s collection III]. *Uchen. zapiski Tartus. gos. un-ta.* 459. pp. 76–120.
3. Mints, Z.G. (2004) Poetika russkogo simvolizma [Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 59–96.
4. Merezhkovsky, D.S. (1990) *Sobr. soch.: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Pravda. pp. 7–258.
5. Merezhkovsky, D.S. (1918) Revolyutsionnaya demokratiya [Revolutionary democracy]. *Novye vedomosti.* 6 July.
6. Smirnov, S.I. (2004) *Drevnerusskiy dukhovnik: Issledovanie s prilozheniem: Materialy dlya istorii drevnerusskoy pokayannoy distsipliny* [Old Russian confessor: Study with an appendix: Materials for the history of the ancient Russian penitential discipline]. Moscow: PSTBI.
7. Komarovich, V.L. (1960) Kul't roda i zemli v knyazheskoy srede XI–XIII vekov [Cult of the family and land in the princes’ environment of the 11th–13th centuries]. *Trudy otдела drevnerusskoy literatury IRLI RAN (TODRL).* XVI. pp. 84–104.
8. Merezhkovsky, D.S. (2004) *Sobr. soch. Gryadushchiy Kham* [Works. The coming of Ham]. Moscow: Respublika. pp. 4–26.
9. Bulgakov, S.N. (1991) Na piru bogov. Pro i contra. Sovremennye dialogi [At the feast of the gods. Pro and contra. Modern dialogues]. In: *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow: Pravda. pp. 290–353.
10. Murav'ev, V.N. (1991) Rev plemeni [The roar of the tribe]. In: *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow: Pravda. pp. 402–423.
11. Prishvin, M.M. (1994) *Dnevnik. 1918. 1919* [Diaries. 1918. 1919]. Book 2. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
12. Tolstaya, T.N. (2002) *Kys': Roman* [Kys: a novel]. Moscow: Podkova.
13. Sekatskiy, A.K. (2000) *Tri shaga v storonu: Roman. Esse* [Three steps to the side: a novel. Essays]. St. Petersburg: Amfora. pp. 7–164.
14. Krusanov, P.V. (2001) *Ukus angela: Roman* [A bite of angel: a novel]. St. Petersburg: Amfora.
15. Slavnikova, O.A. (2011) *2017: Roman* [2017: a novel]. Moscow: AST; Astrel'.
16. Merezhkovsky, D.S. (1918) *Rossiya budet (intelligentsiya i narod)* [Russia will exist (intelligentsia and people)]. *Nash vek.* 23, 28 June.
17. Bogdanova, O.A. (2014) Roman-epopeya XX veka: “vosstanie mass” v “Zhizni i sud'be” V.S. Grossmana [The epic novel of the twentieth century: “the uprising of the masses” in “Life and Fate” by V.S. Grossman]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology.* 1. pp. 95–105.
18. Le Bon, G. (2005) *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of Peoples and Masses]. Translated from French. In: Korolev, K. *Psikhologiya tolpy: sotsial'nye i politicheskie mekhanizmy vozdeystviya na massy* [Psychology of the crowd: social and political mechanisms of influence on the masses]. Moscow: Eksmo: St. Petersburg: TerraFantastica.
19. Kostina, A.V. (2011) *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva* [Mass culture as a phenomenon of post-industrial society]. 5th ed. Moscow: LKI.